
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, НОМИНИРУЮЩИЕ МУЖЧИНУ-ЛОВЕЛАСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.В. Кургузенкова

Отделение иностранных языков ИППК
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Цель данной статьи состоит в обнаружении связи между национальным характером французов и его отражением в конкретных единицах языка, реконструкции фрагмента национальной картины мира и особенностей отражения концептуальной картины мира в языке, установлении лингвистических, когнитивных и психологических факторов, влияющих на возникновение фразеологических единиц (далее — ФЕ) и изменение их значения, а также механизма отражения в ФЕ национального бытия и сознания, условий жизни французского народа. В рамках данной статьи был систематизирован гендерно маркированный фразеологический материал французского и русского языков, характеризующий некоторые аспекты поведения любвеобильных мужчин. Были сделаны выводы о наиболее многочисленных фразеосемантических группах и даны пояснения к часто встречающимся компонентам в составе фразеологических единиц данной тематики. Особое внимание уделяется коннотативным и структурным особенностям фразеологических единиц избранной тематики с целью выявления сведений об особенностях культуры и национальных характеров представителей двух лингвокультур.

Ключевые слова: национальный характер, фразеология, концепт «любовь», мужчина, французский язык, русский язык.

Происходящие в современном мире политические и социально-экономические преобразования привели к радикальным изменениям способов и форм существования многих народов, к качественной перестройке их ценностных ориентаций. При все возрастающем воздействии общества на окружающий мир становится жизненно важной разработка лингвокультурологической проблематики, более разнообразный подход к изучению этнопсихологии, в частности к разработке понятия «национальный характер».

В последние десятилетия появились многочисленные работы, в которых выявляются и исследуются факты отражения в языке культурной специфики народа, а также обсуждаются структура личности, принципы классификации, типологии личностей, роль потребностей и ценностных ориентаций. Все важнейшие достижения отечественных и зарубежных филологов в области связи языка и культуры базируются на аксиоме «язык есть зеркало культуры», в нем отражаются не только реальные условия жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, картина мира. Следовательно, язык дает возможность прийти к пониманию национального характера другого народа.

В сложной системе языковых единиц и средств существует совокупность маркеров, которые являются носителями и источниками национально-культурной информации и ярче всего отражают национально-культурную специфику данного

народа. И особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как таковой играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение. Но только при соотнесении самого этого образного содержания с категориями, концептами, мифологемами, стереотипами и эталонами национальной культуры и его интерпретации в этом пространстве материальной, социальной или духовной культуры открывается и культурно значимый смысл самого образа. Фразеологизмы сами обретают роль культурных стереотипов.

Национальное своеобразие личности состоит прежде всего в неповторимом сочетании общих для всех наций и народов элементов, в комбинации системы отношений и ценностей, составляющих национальный характер [1]. Под национальным характером, вслед за Н.М. Фирсовой, мы понимаем «совокупность национальных психологических черт, менталитета, национальных традиций и обычаев, сформировавшихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религии данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа» [18. С. 132].

Анализ семантической структуры фразеологизмов с культурным компонентом значения, предпринятый в этой статье, показал, что изучение коннотативного значения в семантике фразеологических единиц (далее — ФЕ) с культурным компонентом должно быть выдвинуто на первый план, т.к. лишь через изучение этого образа мы можем проникнуть в культуру страны изучаемого языка и в особенности национального характера его носителей, подойти к изучению ФЕ с точки зрения их связи с культурой народа-носителя языка.

Выделение национально-культурного компонента значения фразеологизма и определение его лингвистического статуса дает возможность исследовать ФЕ в плане отражения в них национально-культурных особенностей общественной и духовной жизни народа, показать, что в семантике фразеологизма, в силу его многокомпонентности, значительно, в большей степени, чем в семантике отдельного слова, участвуют экстралингвистические факторы, передающие специфику самых различных отраслей человеческой деятельности и социально-культурных отношений в обществе.

Лингвокультурологический аспект исследования позволяет выделить в ФЕ национально-культурный фон, являющийся хранилищем и источником информации о национальной культуре. А привлечение в исследовании родного языка дает возможность ответить на вопрос, как и в чем проявляется национальное своеобразие фразеологизмов, установить их положительные и отрицательные коннотации, вскрыть исходную мотивированность, выявить системные связи фразеологизмов, их семантические, стилистические и грамматические свойства и коммуникативные функции в высказывании.

Наше исследование было проведено на материале французского языка и позволило установить следующую закономерность, что среди наиболее частотных по тематике ФЕ выделяются те, которые связаны с такими жизненными ценностями француза, как: бережливость, расчетливость; гурманство, эпикурейство; галант-

ность, куртуазность; (результат сплошной выборки ФЕ из следующих словарей: «Французско-русский фразеологический словарь» под редакцией Л.И. Рецкера — М., 1963; «Новый французско-русский словарь» под редакцией В.Г. Гака, К.А. Ганшиной — М., 1997; «Dictionnaire des Expressions et Locutions Figurées» par Alain Rey — Paris, 1979) [2; 15; 21].

Выделенные на основе анализа ФЕ черты ментальности позволяют рассматривать их в качестве ценностных ориентаций представителей данного народа.

В данной статье нам бы хотелось остановиться на рассмотрении такой отличительной черты национального характера французов, как куртуазность.

Важное место в системе ценностей любого общества занимает любовь между мужчиной и женщиной. Трактовка этого концепта в применении к французской нации задача нелегкая и служила темой для наших исследований и ранее [5—9]. Как известно, во Франции интеллект управляет любовью со всем свойственным ему сознательным мастерством и холодным спокойствием. «Два основных элемента любви для француза — тело и интеллект. Причем первое из них — добровольный инструмент второго» [10. С. 188].

Это руководство можно видеть в трех основных чертах любви француза: интеллект контролирует страсть, страсть свободна от этических уз и имеет гедонистическую направленность, т.к. для француза страсть — не более, чем законное проявление жизни человека [20. С. 46]. То же самое относится и к удовольствиям тела. Доминирующий над чувствами интеллект допускает как законные все естественные проявления физиологии человека, и это есть опора француза в его искреннем и открытом подходе к вопросам отношений между мужчиной и женщиной. А значит, любовь во Франции не встречает никаких препятствий при движении по откровенно гедонистическому пути. В коллективной сфере все эти тенденции удачно гармонируют с тенденцией к моральной терпимости, присущей французскому народу.

Безусловно, все эти черты французского национального характера находят свое отражение на лексическом уровне языка, а именно во фразеологии, вследствие чего детальный анализ конститuentов идеографического поля «любовь» позволит вскрыть и интерпретировать самые яркие черты французского национального характера.

Рамки этой статьи не позволяют привести весь материал данной тематики, поэтому ограничимся наиболее яркими с точки зрения наличия культурного компонента значения ФЕ. Предпринятое нами исследование французской фразеологии этой тематики позволяет объединить полученный материал в 2 основные подгруппы:

- способ номинации «любвеобильных мужчин»;
- способ номинации темперамента мужчин.

Первую подгруппу составляют ФЕ с общим значением «*сердцеед*». Внутри данной подгруппы ФЕ также дифференцированы по возрастному признаку. В нашей классификации под номером 1.1 будут рассмотрены способы номинации лиц молодого и среднего возраста, а под цифрой 1.2 — лица пожилого возраста.

1.1. Синонимический ряд ФЕ со значением «сердцеед» во французском языке представлен следующими выражениями:

coureur de jupons	бабник
tombeur de femmes =	ловелас,
tombeur de filles	соблазнитель
grand tombeur de quilles (fam.)	озорник
trousseur de cotillons (fam.)	бабник
croqueur de femmes (fam.)	покоритель сердец
abatteur de femmes (fam.)	сердцеед
dragueur de filles (fam.)	волокита
dénicheur de merles (arch.)	волокита
dénicheur de fauvettes (arch.)	волокита

В вышеперечисленных ФЕ при номинации мужчин использованы имена существительные — дериваты глаголов, образованные от исходного корня с помощью суффикса *-eur* (суффикса деятеля). В данном случае подбор фразеологических эквивалентов в русском языке невозможен из-за отсутствия в языке-приемнике имен существительных подобных тем, которые существуют в языке-источнике. Поэтому перевод достигается на уровне аналогии. Но те глаголы, которые лежат в основе данных фразеологизмов, являются источниками культурологической информации о традиции ухаживания за женщиной.

В основе первой ФЕ «*coureur de jupons*» лежит выражение, пожалуй, самое частотное по своему употреблению в обоих сопоставляемых языках для характеристики определенного поведения мужчины «*courir des jupons*» (бегать за юбками). Образ женщины выражается с помощью метонимического приема ее обозначения через часть дамского гардероба «юбку». В ФЕ «*tombeur de femmes*» опорный компонент является производным от «*tomber*» (букв. — падать), аналогом которого можно считать в русском языке глагол «западать», однако он наделен большей степенью стилистической маркированности в языке-приемнике. ФЕ «*tombeur de femmes*» имеет варианты: «*tombeur de filles*» / «*grand tombeur de quilles*». Вариативность в данном случае достигается за счет различных постпозитивных предложных определений: 1) «*femmes*» (женщины); 2) «*filles*» (девушки); 3) «*quilles*» (fam. — девчонки), первые две из которых являются лексемами нейтрального стиля, последняя относится к разговорному, что сразу придает определенную стилистическую маркированность всей ФЕ. Данный эффект усиливается эмоционально-экспрессивной окраской, возникающей из-за наличия эпитета «*grand*» (большой), который придает оттенок ироничности, сопровождающий употребление ФЕ в речи.

Следует отметить, что весь этот синонимический ряд ФЕ выстроен по принципу «нарастания откровенности» при номинации действий и поступков мужчины с целью достижения близости с женщиной. Если в опорных компонентах ФЕ «*coureur* de jupons» / «*tombeur* de femmes» / «*dragueur* de filles» (от глагола «*dragueur*» — «кадрить») сексуальная направленность действий мужчины представлена в завуалированной форме, то в последующих примерах эта скрытая ранее аллюзия становится все более яркой и очевидной: *trousser* (fam. — лазить под юб-

ку, обладать женщиной); croquer (fam. — «надкусить», обладать женщиной); abattre (fam. — уложить в горизонтальное положение).

Анализ внутренней формы вышеприведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что подобная откровенная и детализированная форма описания всех этапов процесса ухаживания присуща только французскому языку, который в данном случае в полной мере отражает принцип отсутствия запретов в вопросах отношений между полами во Франции.

Это не единственное различие, которое может быть выявлено в этой подгруппе при сопоставлении словарных дефиниций. Как известно, наиболее ярко расхождения выявляются при переводе. Французской ФЕ в данном синонимическом ряду соответствует только одна лексическая единица в русском языке, т.е. эквивалентность перевода достигается «на уровне слова» [19. С. 80]. В русских эквивалентах отсутствует номинация женщины, тогда как во французских ФЕ она не только представлена в каждой из вышеперечисленных единиц, но еще и варьируется (femme (f) — женщина, fille (f) — девочка, quille (f) (fam.) — девчонка, jupon (m) — юбка, cotillon (m) — нижняя юбка). В этих примерах мы находим подтверждение того, что куртуазность — неотъемлемая черта французского менталитета, а любовь к женщине является одной из главных ценностных ориентаций французов. В подтверждении этого факта можно привести следующую ФЕ: côté des dames (arch.) (букв. — сторона дам) — правая сторона туловища мужчины. Как видим, концепт «женщина», закрепленный определенной языковой единицей, является компонентом ФЕ, номинирующей отдельные части тела мужчины.

Особенно хотелось бы отметить два последних примера из этого ряда, в которых ведущим компонентом является лексема «dénicheur» (от «dénicher» — вынимать из гнезда — на русский язык можно перевести только словосочетанием «разоритель гнезд»). Однако эти ФЕ интересны не только с точки зрения перевода субстантивированного ведущего компонента, но и образной основой их постпозитивных предложных определений, т.к. французский «dénicheur» «вынимает из гнезда» не просто птиц, а лишь «merle» (m) и «fauvette» (f) («дроздов» и «славок»). Тем самым мы убеждаемся в том, что не только в номинации способов ухаживания за женщиной есть отличия, но и образные метафоры для номинации женщин не совпадают, т.к. для русской традиции характерно сравнение женщины с такими птицами, как: голубь (голубка), ласточка, лебедь (лебедушка), при этом данные зооморфизмы служат, в частности, в качестве форм обращения к русской женщине [4].

В ряде фразеологизмов со значением «*сердцеед*» присутствуют такие ключевые для этой тематики слова, как: cœur (m) — сердце, amour (m) — любовь. Сердце традиционно считается в двух рассматриваемых культурах «органом любви», поэтому наличие этой лексемы в составе ФЕ «amant de cœur» (возлюбленный) нивелирует прямое значение «amant» (любовник), сглаживая оттенок значения физической любви и придавая всему выражению смысл любви духовной.

Но, пожалуй, ближе всего по своей образной основе лексеме «*сердцеед*» соответствуют две ФЕ во французском языке: «bourreau des cœurs» / «casseur de cœurs».

С точки зрения словообразования «сердцеед» — сложная лексема, образованная путем соединения одного полного слова «сердце» и одной основы «ед», отчего буквальное прочтение данного образования, вытекающее из составляющих его сем, — «пожиратель сердец». Французские аналоги лексемы «сердцеед» представлены ФЕ номинативного типа. Ведущий компонент первой «*bourreau*» имеет буквальное значение «мучитель», а в сочетании с постпозитивным предложным определением «*cœurs*» (сердца) получает буквальное прочтение «мучитель сердец». В основе второй ФЕ лежит выражение «*casser le cœur*» (разбить сердце).

Как видим, образные основы двух рассматриваемых языков в данном случае близки в метафоризации сходных по «агрессивности» образов: «пожиратель» (у русских), «мучитель, истязатель, «разбиватель» сердец» (у французов), который пришел на смену другому устаревшему образу «похитителя чести / любви» (*larron d'honneur / larron d'amour* — arch.).

Лексема «сердце» является компонентом еще нескольких ФЕ данной тематики: *joli cœur* (сердцеед). В этом примере «*cœur*» путем метонимии обозначает галантного мужчину, дамского угодника и кавалера, положительной оценкой которого окрашены выражения «*homme galant*» (дамский угодник, галантный мужчина) и «*chevalier servant*» (галантный поклонник), а эпитет «*joli*», встречающийся также в выражении «*être joli comme un cœur*» (букв. — красив как сердце), приобретает особый оттенок значения при описании манер мужчины и его внешности, а именно: «*joli cœur*» — это не просто галантный мужчина, его изысканные манеры граничат с претенциозностью и некоторым жеманством, что придает всему его образу налет некоторой «слащавости и женоподобности». Сходный образ составляет основу ФЕ: *faire le joli cœur* (любезничать, заигрывать).

Весьма близок по своему значению к ФЕ «*joli cœur*» следующий фразеологизм: *gueule d'amour* (смазливый соблазнитель). Но в данном случае, поскольку единица имеет помету «arg.» (сленг), лексемы, входящие в его состав более четко и конкретно номинируют обозначаемое понятие. Если в предыдущем примере ведущим компонентом являлась лексема «*cœur*», которая, несмотря на свое метафорическое употребление, сохраняет и свою первичную коннотацию «сердце», тем самым, придавая всей единице чуть более поэтичный окрас, то ведущий член ФЕ «*gueule d'amour*» — «*gueule*» (лицо, рож) подчеркивает исключительно физическую красоту мужчины. Следовательно, данный фразеологизм приобретает пейоративное стилистическое значение, которое отражается и при переводе на русский язык: «*gueule d'amour*» — вульгарный соблазнитель [2. С. 524].

Но в этой подгруппе особо стоит отметить ФЕ: *avoir un cœur d'artichaut* (букв. — иметь сердце артишока) — бабник. В данной ФЕ слово “*cœur*” (m) употреблено в значении «сердцевина плода», а “*artichaut*” (m) — аллюзия на многочисленные листья, покрывающие плод артишока, что позволяет определить этимологию всего выражения со значением «сердцевина артишока, один листок на всех». Следовательно, помимо общих для двух наций образов мы выявили метафору (сравнение любвеобильного мужчины с артишоком), лежащую в основе французской ФЕ, аналога которой нет и не может быть в русском языке, т.к.

традиция употребления этого растения отсутствует в русской культуре, в то время как для французской кухни это одно из основных блюд.

1.2. В первую подгруппу также отнесены ФЕ, обозначающие уже *немолодых, но влюбчивых мужчин*.

Особенно показательна ФЕ «démon de midi» (седина в бороду, бес в ребро). В ней так же, как и в русском варианте, присутствует образ беса, демона («*démon*»), но по форме выражения французская фразеологическая единица является более емкой, т.к. постпозитивное предложное дополнение «*midi*» (полдень, середина) воплощает метафорически одновременно два смысла: 1) «*midi*» — как «середина» жизни, возрастная характеристика мужчины, эквивалент русской части «седина в бороду»; 2) «*midi*» — как «середина» человеческого тела, аллюзия на «мужские достоинства»; здесь прослеживается аналогия с русским «ребром».

При дальнейшем сопоставлении этих двух ФЕ становится очевиден факт отсутствия изоморфности не только по морфолого-синтаксической структуре, но и по форме выражения фразеологического значения, что является следствием различной эмоциональной и стилистической окраски слов-компонентов данных ФЕ. Четкое отнесение фразеологизмов к разряду экспрессивных единиц логично ведет к признанию их обязательной стилистической маркированности [11. С. 229]. Таким образом, выявление одного только образа, порождающего экспрессивность данной ФЕ, недостаточно для установления асимметрии фразеологических единиц в разных языках, особенно если в ходе семантического анализа делается вывод о сходстве образных основ, то логическим продолжением исследования подобного рода является выявление стилистической маркировки ФЕ с учетом ее эмоционально-оценочного и экспрессивного потенциала. Так, ведущим членом французской ФЕ является лексема «*démon*», которая во фразеологическом словаре под редакцией А. Рея [21. С. 306] имеет помету «*savant*» (научно), что свидетельствует о его книжном стилистическом значении. Однако из-за наличия постпозитивного предложного определения «*midi*» с нейтральным стилистическим значением «*démon*» теряет свою литературность. Русская ФЕ имеет в своем составе лексему «бес», наличие которой, по свидетельству С.И. Ожегова, одномоментно относит все выражение к разговорному стилю [14. С. 50] с иронично-неодобрительной оценкой. Факт использования при образовании ФЕ слов-компонентов с разными функционально-стилистическими значениями в двух рассматриваемых языках приводит к появлению ФЕ с разными функционально-стилистическими значениями [3. С. 35].

Проанализируем еще ряд примеров: *vieux marcheur* (букв. — «старый ходок») — старый волокита. Пожалуй, эти две ФЕ обладают наибольшим изоморфизмом между фразеологическим значением и формой его выражения в исследуемых языках. Так, субстантивный компонент русской ФЕ «волокита» дериват глагола «волочиться», который в русском языке помимо переносного значения «ухаживать за женщиной» имеет прямое «идти, едва передвигая ноги». Проведем аналогию с французской ФЕ: «*marcheur*» (ходок) происходит от французского глагола «*marcher*» (идти пешком), что позволяет сделать вывод о близости образов

этих двух ФЕ, т.к. в основе их субстантивных компонентов лежат глаголы, обозначающие сходное действие человека, а именно «ходьбу».

Но стоит упомянуть и о различных коннотациях этих двух глаголов, как эмоциональных, так и стилистических. С точки зрения своего стилистического употребления русский глагол «волочиться» («идти, едва передвигая ноги») относится к разговорной речи и обладает яркой эмоционально-экспрессивной окраской, которая проступает в со-значении этой лексемы, а именно: апатичность, отсутствие активной деятельности, нежелание передвигаться, вызванное либо усталостью, либо природной ленью, что подчеркивается и внутренней формой слова (возвратная частица «-ся» придает оттенок пассивности). Соответственно, вслед за глаголом «волочиться» все эти коннотации присущи и лексеме «волокита», сохраняющей иронично-неодобрительную экспрессивно-стилистическую нагрузку в сознании носителей русского языка. В то время как глагол «marcher» (идти пешком) во французском языке относится к нейтральному стилю, равно как и лексема «marcheur» (ходок). И только в сочетании с эпитетом «vieux» лексическая единица «marcheur» приобретает значение «старый волокита» со сходным с русским языком иронично-пейоративным стилистическим значением. Однако словарь «Grand Paul Robert» относит эту ФЕ к устаревшим с 1888 г., утверждая, что на смену ей пришла другая ФЕ «vieux coureur» (букв. — старый бегун), субстантивная часть которой была позаимствована из другого выражения «coureur de filles» (волокита). И, несмотря на то, что все эти ФЕ в обоих рассматриваемых языках имеют сходное стилистическое значение (иронично-пренебрежительное), однако в образе «французского волокиты» заложено больше динамики благодаря первичным значениям глагольных основ данных единиц («marcher» (идти пешком); «courir» (бежать)).

Продолжает этот ряд ФЕ «vieux beau» и ее синоним «un beau sur le retour», где компонент «sur le retour» (стареющий) является аналогом адъективного компонента «vieux» первой единицы. Буквальное значение этих единиц «старый красавчик», где субстантивный компонент «beau» означает скорее элегантно одетый немолодой мужчина, чем физически привлекательный. Все компоненты французских ФЕ относятся к нейтральному функциональному стилю речи, однако с точки зрения эмоционально-оценочной коннотации данных фразеологизмов, то в этом случае она не так явно выражена, хотя наличие лексемы «beau» (красавчик) в составе обоих ФЕ придает им легкий оттенок иронии.

Рассмотрим еще пример: vert galant (arch.) — старый волокита. Полагают, что данное выражение производно от “Vertes Galants” — прозвища, которое в XV в. давали бандитам, прячущимся в лесах. Оно объясняется тем, что эти бандиты слыли в народе порядочными людьми (galants hommes), так как нападали они преимущественно на богачей и знатных людей. Таким образом, современное значение фразеологизма возникло в результате отождествления «galant homme» (порядочный человек) с «homme galant» (ухажёр, сердцеед). Совершенно прав А.Г. Назарян, говоря, что это отождествление произошло под влиянием старофранцузского языка, в котором место прилагательного было менее определенным, чем в современном языке. Прилагательное могло стоять как перед существительным, так и после

него, не меняя смысла [12. С. 126]. Именно наличие эпитета «galant» (галантный — возвышенно) относит данную ФЕ к книжному стилю.

Таким образом, анализ вышеприведенных ФЕ со значением «старый волокита» показал стилистическое и эмоционально-экспрессивное несоответствия во фразеологии данной тематики французского и русского языков. Наши наблюдения показывают, что при описании подобного поведения мужчин во французском языке случаи употребления «нейтральной» лексики частотнее, чем в русском.

Во *вторую подгруппу* входят ФЕ, обозначающие *темперамент мужчин*. Данную подгруппу формируют три синонимических ряда единиц вышеобозначенной тематики и выделенных в отдельные конститuentы на основании метафоры, лежащей в основе этих ФЕ:

2.1. ФЕ — компаративы (метафоры животного мира);

2.2. ФЕ разных типов («жар» как метафорический образ любви и страсти);

2.3. ФЕ глагольного типа (в основании синонимического ряда лежит количественный параметр в описании поведения мужчины-ловеласа, выражающийся в числе покоренных им женщин).

2.1. При сравнении образных основ ФЕ первого синонимического ряда становится очевидным, что названия птиц и животных являются теми ключевыми зооморфными образами, которые позволяют выявить сходство и различие в номинации темперамента русских и французских мужчин. Если говорить об образах животных, то примеры: aller (courir) comme un chat maigre (тощий кот — гоняться за юбками); faire le jeune chien (молодая собака — быть ветреным); vivre comme un chien (собака — вести разгульный образ жизни), наглядно демонстрируют, что при номинации «мужского темперамента» базовыми для французского языка являются сравнения мужчины с *котом* и с *собакой*. Что касается образа «кота», то современные русские могут к нему обращаться для характеристики мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свое мужское начало, уверенного в себе [4. С. 92].

Относительно образа собаки исследователи русского языка однозначны в своей характеристике его «наполняемости», а именно: в русском языке отсутствуют примеры, где стереотипный образ «собаки» служил бы в качестве аналогии при номинации любвеобильных мужчин [4. С. 152].

Обобщая все выше сказанное, мы можем констатировать расхождения в стереотипной трактовке этих двух образов представителями двух культур.

Следует также отметить, что всем французским ФЕ данного синонимического ряда присуща пейоративная стилистическая окраска, еще усиливающаяся в словосочетаниях: chat coiffé / chien coiffé (обычно являются частью примера: elle épouserait le premier chien (chat) coiffé (она вышла бы замуж и за первого встречного)), за счет присоединения коннотации «банальности, заурядности» при номинации подобного рода мужчин.

Следующие примеры позволят дополнить и расширить список зооморфных образов:

amoureux comme un coq

любвеобильный

c'est un beau (bon) coq

сердцеед, донжуан

courtiser les femmes comme <u>un coq</u> de village (de paroisse) (петух)	волочиться за каждой юбкой
être amoureux comme <u>un moineau</u> chaud comme <u>un moineau</u> (fam.) (воробей)	влюбчивый страстный
lascif comme <u>un bouc</u> (козел)	очень похотливый
chaud(e) comme <u>un lapin*</u> (fam.) (кролик)	страстный; -ая
chaud(e) comme <u>une caille*</u> (fam.) (перепел)	пылкий; -ая

Семантический анализ данных выше ФЕ позволяет выделить ряд прототипов, базовых для двух языков в обозначении мужчин, отличающихся сексуальной активностью, а именно: петух, воробей, козел, кролик. По сведениям Лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» [4], прослеживаются следующие ассоциации носителя русского языка с данными словами: «петух» — символ задиристости, заносчивости, чрезмерной важности и самолюбования, выступает как стереотипный образ для номинации мужчины, уверенного в своем успехе у женщин; «воробей» — маленькая, серая, неприхотливая птичка, которой свойственны легкость, живость, резвость, проворство, он драчлив и задирист, а также в фольклорных песенных текстах ему присуща брачная и любовно-эротическая символика, связанная с мужским началом; «козел» — связывается с глупостью и упрямством, в народных представлениях выступает как символ плодородия; «кролик» — употребляется для характеристики человека, отличающегося повышенной сексуальной активностью и/или плодовитостью. Т.о., эти метафоры являются базовыми для представителей обоих исследуемых языков, однако закрепление их во фразеологическом составе как стереотипных характеристик определенного поведения мужчины произошло только во французском языке, в русском языке эти образы в основном являются частью фольклора и мифологии.

Проведенный выше анализ позволил выявить компонент, отсутствующий в русской фразеологии, а именно «перепел». По свидетельству А. Рея [21], зооморфный образ перепелки закрепился во французской фразеологии благодаря исследованиям натуралистов физиологии этой птицы, которые установили, что нормальная температура ее тела равняется 41 градусу (ФЕ, помеченные *, во французской фразеологии употребляются при характеристике обоих полов [13. С. 58—59]).

2.2. Однако не только с названиями птиц и животных французы проводят аналогии при обозначении *темперамента мужчины*. Пылкий мужчина (а также и женщина) и его чувства сравниваются с *жаром*: chaud /ardent/ brûlant comme braise — пылкий, страстно влюбленный; son cœur est un brasier (букв. — его сердце — тушилка для углей) — он страстно влюблен.

В данном случае можно говорить об универсальности образа «жар» при метафорическом обозначении любви и страсти в обоих языках, но во французском

языке за этим абстрактным понятием «жар» стоит конкретный денотат «раскаленные, горящие угли», поэтому и сердце человека сравнивается с ведром для тушения раскаленных углей.

Следовательно, в любви также просматривается главенствующая черта французского менталитета — картезианство. Руководствуясь с детства воспитуемым принципом четкого и логичного мышления, французы ясно подобрали образы не только для обозначения страсти, но и для номинации тех частей тела, в которых «сосредоточен» мужской темперамент: être chaud de la pince (pince (f) — рука) — влюбчивый, бабник; être chaud de reins (жар в пояснице) — быть охотником до клубнички; être de la pointe (острота; «быть не промах») — быть бабником.

Для русской же национальной традиции характерна большая сдержанность в вопросах данной тематики, любовь занимает не менее важное место среди ценностных ориентаций русского народа, но о ней никогда не было принято говорить слишком откровенно, предпочтение отдается завуалированной, иносказательной форме номинации данного концепта. Если куртуазная любовь связала воедино любовь физическую и духовную, то «христианская любовь ввела в сексуальность греховность и запрет» [16. С. 189].

Как отмечает в своем словаре Ю.С. Степанов, «в русской культуре концепт «Любви» понятийно не развит... или целомудренно не обсуждается» [17. С. 412]. В подтверждение этого факта Ю.С. Степанов приводит слова М. Пришвина «...на языке простого народа любовь часто выражает грубочувственную сторону, а самая тайна остается тайной без слов. От этой тайны пылают щеки деревенской красавицы, такими тихими и интимными становятся грубые, неуклюжие парни. Но словом не выражается» [17. С. 394].

2.3. Картезианский склад ума французов становится очевиден и при анализе следующих ФЕ — аналогов русского выражения «бегать за каждой юбкой»: être amoureux des onze cents (букв. — быть влюбленным в одиннадцать сотен женщин); être amoureux des onze mille (букв. — быть влюбленным в одиннадцать тысяч женщин); être amoureux de cent mille (букв. — быть влюбленным в сотни тысяч женщин); être amoureux des onze mille vierges (в основу последнего выражения легла легенда об убийстве святой Урсулы и одиннадцати тысяч девственниц. В действительности же эта аллюзия является результатом неправильного прочтения надписи “XII.M.V.” на могиле святой Урсулы. Вместо «onze mille» (одиннадцать тысяч) следует читать «onze martyres vierges» (одиннадцать невинно замученных) [21. С. 922]).

Если в русском эквиваленте французских ФЕ даже не делается попытка посчитать количество женщин, которым оказываются знаки внимания, то это вполне вписывается в общую картину отличительных черт русской ментальности, а именно нелюбовь ко всяким подсчетам и точностям (русский «авось»), что вступает в прямое противоречие с основополагающей чертой французского менталитета — точным расчетом всего.

Следовательно, на основании примеров второй подгруппы представляется возможным сделать вывод, что французы, безусловно, сохранили за собой репута-

цию куртуазной нации. Однако их отношение к любви, вследствие всепроникающей силы их картезианского ума, приобретает ярко выраженное национальное своеобразие, а именно: наличие мужского эгоцентризма в вопросах любви давно вытеснило понятие культа прекрасной дамы из умов французского народа.

Материалы исследования показывают, что в вопросах отношений между полами французы более откровенны, чем русские. Во Франции всегда видели в любви великую радость жизни, которая не противопоставляется другим высоким чувствам, как нечто греховное, а открыто заявляет о своих правах, что в корне отличается от подхода к понятию «любовь» у русского народа, в многовековой традиции которого наделение этого чувства целомудренностью.

Безусловно, две национальные культуры никогда не совпадут в полном объеме, поскольку каждая состоит из национальных и интернациональных единиц. Однако помимо выявленных различий при сопоставлении ФЕ определенной тематики в двух языках были обнаружены и сходства в лексико-семантической характеристике слов в русском и французском языках, которые свидетельствуют о совпадениях, присущих культурной картине мира носителей данных языков, особенно если в их основе лежат некоторые единые представления об устройстве мироздания, так называемые языковые универсалии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Борисова А.С.* Французский национальный характер сквозь призму современных французских печатных рекламных текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 6.
- [2] *Гак В.Г., Ганишина К.А.* Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1997.
- [3] *Диброва Е.И.* Фразеологизм и слово в русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983.
- [4] *Захаренко И.В.* Лингвокультурологического словарь «Русское культурное пространство». М.: Гнозис, 2004.
- [5] *Кургузенкова Ж.В.* Отражение понятия «брак» во французской фразеологии // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». М., 2006. № 8. С. 52—57.
- [6] *Кургузенкова Ж.В.* Эволюция взаимоотношений между мужчиной и женщиной сквозь призму французской фразеологии // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». М., 2007. № 1 (9). С. 28—32.
- [7] *Кургузенкова Ж.В.* Способы номинации состояния влюбленности во французском языке // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». М., 2008. № 1. С. 88—93.
- [8] *Кургузенкова Ж.В.* Смена ролевых функций в отношениях мужчины и женщины в современном французском обществе // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». М., 2009. № 2. С. 57—61.
- [9] *Кургузенкова Ж.В.* Особенности матримониальной культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». М., 2010. № 2. С. 55—59.
- [10] *Мадариага Сальвадор де.* Англичане, французы, испанцы. СПб.: Наука, 2003.
- [11] *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
- [12] *Назарян А.Г.* Почему так говорят по-французски? М.: Наука, 1968.
- [13] *Назарян А.Г.* Словарь устойчивых сравнений французского языка. М.: РУДН, 2000.
- [14] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

- [15] *Реуцер Я.И.* Французско-русский фразеологический словарь. М.: Изд-во национальных и иностранных словарей, 1963.
- [16] *Розин В.М.* Введение в культурологию. М.: Форум, 2001.
- [17] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
- [18] *Фирсова Н.М.* К проблеме понятия «национальный характер» // Романские языки и культуры: Сборник. М.: МГУ, 2003.
- [19] *Щетинкин В.Е.* Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987.
- [20] *Янн Н., Суретт М.* Эти странные французы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001.
- [21] *Rey A.* Dictionnaire des Expressions et Locutions Figurées. P.: Le Robert, 1979.

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF GENDER MARKED PHRASEOLOGICAL UNITS OF PHRASEOSEMANTIC GROUP DESIGNATING MEN`S AFFECTIONATE BEHAVIOUR

Zh.V. Kurguzenkova

Department of Foreign Languages
Institute of Professional Development and Retraining
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article aims at systematizing French and Russian phraseological units characterizing men's love activity. The conclusion concerns the most numerous phraseosemantic groups, the most frequently occurring elements of the units are commented upon. Special attention is paid to the connotative and structural peculiarities of the phraseological units of the chosen subject matter in order to identify information about the culture and national character of representatives of two ethnic groups.

Key words: national character and national culture, linguistic and cultural analysis, the phraseology, the concept of 'love', man, French, Russian.

REFERENCES

- [1] *Borisova A.S.* Frantsuzskiy natsionalnyy kharakter skvoz prizmy sovremennykh frantsuzskikh pechatnykh reklamnykh tekstov [French national character through the prism of contemporary French printed advertising texts: Author's abstract of dissertation on scientific degree of Candidate of Philology]. M.: RUDN, 2010. P. 6.
- [2] *Gak V.G., Ganshina K.A.* Noviy frantsuzsko-russkiy slovar [New French-Russian dictionary]. M.: Russian language, 1997.
- [3] *Dibrova E.I.* Fraseologizm i slovo v russkom yazyke [Idiom and the word in the Russian language]. Rostov-on-Don: Izd Rostov University Press, 1983.
- [4] *Zakharenko I.V.* Lingvokulturologicheskiy slovar "Russkoye kulturnoye prostranstvo" [Linguo-cultural dictionary "Russian cultural space"]. M.: Gnosis, 2004.
- [5] *Kurguzenkova Zh.V.* Otrazheniye ponyatiya "brak" vo frantsuzskoy frazeologii [Reflection of the concept of "marriage" in the French phraseology]. Vestnik RUDN. Series "Linguistics". № 8. M., 2006. P. 52—57.

- [6] *Kurguzenkova Zh.V. Evolutsiya vzaimootnosheniy mezhdu muzhchinoy i zhenschinoy skvoz prizmu frantsuzskoy frazeologii* [The evolution of the relationship between man and woman through the prism of French phraseology]. Vestnik RUDN Series “Linguistics”. № 1 (9). M., 2007. P. 28—32.
- [7] *Kurguzenkova Zh.V. Sposoby nominatsii sostoyaniya vlyublennosti vo frantsuzskom yazyke* [Methods of nomination of state of “love” in French]. Vestnik RUDN. Series “Linguistics”. № 1. Moscow, 2008, pp. 88—93.
- [8] *Kurguzenkova Zh.V. Smena rolevykh funktsyy v otnosheniyakh meshdu muzhchinoy i zhenschinoy v sovremennom frantsuzskom obschestve* [Changing of roles and functions of men and women in contemporary French society]. Vestnik RUDN. Series “Linguistics”. № 2. M., 2009, pp. 57—61.
- [9] *Kurguzenkova Zh.V. Osobennosti matrimonialnoy kultury frankoyazychnogo mira skvoz prizmu frazeologii* [Features of matrimonial culture of French-speaking world through the prism of phraseology]. Vestnik RUDN. Series “Education Matters: languages and specialty» № 2]. M., 2010. P. 55—59.
- [10] *Madariaga Salvador de. Anglichane, Frantsuzy, Ispantsy* [British, French, Spanish]. SPb.: Science, 2003.
- [11] *Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. M.: High School, 1989.
- [12] *Nazarian A.G. Pochemy tak govoryat po frantsuzski?* [Why is it said like this in French?]. M.: Science, 1968.
- [13] *Nazarian A.G. Slovar ustoychivykh sravneniy frantsuzskogo yazyka* [Dictionary of stable comparisons of the French language]. Moscow People's Friendship University, 2000.
- [14] *Ozhegov S.I. Russkiy slovar* [Russian dictionary]. M.: Russian language, 1990.
- [15] *Retsker Y.I. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [French-Russian phrasebook]. M.: National and foreign dictionaries, 1963.
- [16] *Rozin V.M. Vvedeniye v lingvokulturologiyu* [Introduction to cultural studies]. M.: Forum, 2001.
- [17] *Stepanov Y.S. Konstanty: Slovar Russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. M.: Academic Project, 2001.
- [18] *Firsova N.M. K probleme ponyatiya “natsyonalnyy kharakter”* [On the problem of the concept of “national character”]. In: Romance languages and culture. M.: MSU, 2003.
- [19] *Shchetinkin V.E. Posobiye po perevody s Frantsuzskogo yazyka na Russkiy* [The manual on translation from French into Russian]. M.: Education, 1987.
- [20] *Yapp N., Syrett M. Yeti strannyye frantsuzy* [These strange French]. M.: Egmont Russia Ltd., 2001.
- [21] *Rey A. Dictionary of Idioms and Set Expressions*. P.: Le Robert, 1979.